

ВОПРОСЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 347.23
ББК 67.404.1

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ СОБСТВЕННОСТИ КАК ПРИНЦИП ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

А.Я. Рыженков

В статье рассматривается природа неприкосновенности собственности как одного из принципов российского гражданского права. Анализируются особенности закрепления неприкосновенности собственности в Конституции и гражданском законодательстве. На основании практики применения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод раскрывается содержание данного принципа применительно к ограничениям права собственности.

Ключевые слова: *собственность, имущество, неприкосновенность, ограничение, принцип, защита.*

Неприкосновенность собственности, являющаяся одним из основных начал гражданского законодательства и закреплённая не только в Гражданском кодексе РФ, но и в Конституции Российской Федерации, детально в этих источниках права не раскрывается. При анализе содержания этого принципа представляется целесообразным опираться прежде всего на ст. 35 Конституции РФ, так как ст. 1 ГК РФ, провозглашая неприкосновенность собственности, никак не поясняет содержание этого гражданско-правового принципа, впрочем, как и остальных подобных принципов.

Особо значимым является международно-правовой аспект этого принципа, в особенности в том виде, как он отражён в ст. 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защи-

те прав человека и основных свобод, а также в основанной на ней практике Европейского суда по правам человека, поскольку ч. 4 ст. 15 Конституции РФ устанавливает приоритет норм международного права по отношению к национальному законодательству в случае коллизии, а ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» признаёт юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции [8], что означает надлежание решений Европейского суда силой прецедентов.

Неприкосновенность собственности может интерпретироваться несколькими способами. Во-первых, как свойство права собственности, предполагающее невозможность для кого-либо оказывать воздействие на объект собственности помимо воли собственника.

Во-вторых, как свойство права собственности, вменяющее в обязанность другим лицам не чинить собственнику препятствий в реализации своего права собственности, выражающегося в осуществлении правомочий по владению, пользованию и распоряжению принадлежащим ему имуществом.

В-третьих, как один из принципов государственного строя, при котором право собственности внесено в список базовых прав человека и защита этого права гарантируется законом, что закреплено в Конституции.

Право собственности – одно из базовых прав человека, лежащее в основе конституционного строя и закрепившееся в сознании людей в качестве священного, неприкосновенного. Возникает вопрос о природе самого принципа неприкосновенности: является ли он искусственно сконструированным в рамках конкретного правопорядка или же он изначально укоренен в самом понятии «собственность»?

В пользу предположения, что принцип неприкосновенности собственности является глубоко укорененным в человеческой культуре, говорят следующие факторы. Во-первых, сама собственность, как социальное явление, по своему значению выходит далеко за рамки как правовой системы, так и экономического устройства, поскольку проникает в самые различные сферы общественных отношений. Представление о собственности формируется у человека еще в детстве, основываясь на исходных образах «свой – чужой» и закрепленных в языке противопоставленных друг другу местоимениях «мое – твое». Таким образом, любой человек, даже не будучи непосредственно вовлеченным в сферу юриспруденции, понимает, что такое собственность, и стремится всячески защищать ее от посягательств со стороны посторонних.

Во-вторых, в текстах законодательных актов о неприкосновенности собственности, как правило, говорится без дополнительных пояснений, как будто смысл этого выражения сам собой разумеется – так, словно содержание принципа уже известно и законы лишь формально-юридически закрепляют его, чтобы обеспечить права собственности соответствующей государственной защитой. Таким образом, в данном случае имеет место не

какая-либо собственно юридическая идея, вытекающая из текста закона, а определенная культурная традиция, которая сложилась объективно и получает лишь вторичную легитимацию на законодательном уровне. Так, крупнейший цивилист У. Маттеи отмечает: «Наличие неформального, спонтанно действующего права собственности имеет решающее значение, поскольку на практике суды просто не справятся с предупреждением и разрешением всевозможных конфликтных ситуаций, возникающих вокруг ограниченных ресурсов» [4, с. 24–25].

Эти особенности, в свою очередь, порождают следующую проблему. Принцип неприкосновенности собственности является интуитивно понятным, и понимание это базируется на представлениях и установках, которые могут различаться у разных групп людей. На практике это оборачивается конфликтом интерпретаций тех или иных конкретных законодательных положений, например, когда речь идет о соотношении частных и коллективных интересов и расстановке приоритетов при соблюдении одних прав в пользу ограничения других для решения конкретных задач. Кажущаяся простота и понятность принципа неприкосновенности собственности несет в себе возможные сложности в его соблюдении, связанные с недостаточностью его осмысления.

Одной из первых проблем, возникающих при интерпретации принципа неприкосновенности собственности, является двусмысленность понятия «собственность». Даже в юридическом языке сохраняется двойственность словоупотребления, при котором под собственностью понимается и имущество, принадлежащее кому-либо, и само состояние этой принадлежности. Таким образом, понятие «собственность» может толковаться или как предмет, или как отношение.

В Конституции РФ и в гражданском законодательстве понятие «собственность» употребляется чаще во втором значении – как отношение. Объект же, находящийся в собственности, называется обычно «имуществом». Тем не менее и в ГК, и в научной литературе два вышеуказанных значения слова «собственность» нередко путаются даже в рамках одного текста. К примеру, в ч. 1 ст. 214 ГК говорится: «Государственной собственно-

стью в Российской Федерации является имущество, принадлежащее на праве собственности Российской Федерации (федеральная собственность), и имущество, принадлежащее на праве собственности субъектам Российской Федерации – республикам, краям, областям, городам федерального значения, автономной области, автономным округам (собственность субъекта Российской Федерации)». Таким образом, два вышеуказанных значения слова смешиваются в рамках одного предложения: «...собственностью является имущество... принадлежащее на праве собственности...»

Употребление словосочетания «неприкосновенность собственности» неизбежно вызывает следующий вопрос: о какой именно собственности идет речь? Соответственно возможны следующие варианты:

- неприкосновенность имущества собственника, то есть отсутствие для кого-либо другого возможности доступа к этому имуществу;
- неприкосновенность собственности как отношения, то есть невозможность вмешательства кого-либо в действия собственника по владению, пользованию и распоряжению этим имуществом;
- неприкосновенность самого права собственности как одного из базовых прав человека, закрепленных Конституцией, то есть невозможность отнятия или ограничения этого права.

Европейская практика дает примеры предельно широкого понимания собственности в контексте ст. 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. К сфере действия этой статьи был отнесен обширный спектр экономических интересов, включая движимое и недвижимое имущество, материальные и нематериальные интересы, акции, патенты, решение арбитражного суда, право на пенсию, право домовладельца на взыскание квартирной платы, экономические интересы, связанные с ведением бизнеса, право заниматься той или иной профессией и даже возможность посещения зрителями кинотеатра [2, с. 4]. Будучи результатом применения норм Конвенции по аналогии, такое толкование «собственности», по существу, означает, что принцип неприкосновенно-

сти собственности должен применяться ко всем отчуждаемым материальным благам.

Другой лингвистической и логической особенностью понятия неприкосновенности собственности является отрицание, заложенное в слове «неприкосновенность». Любое понятие, определяемое через негативный признак, порождает свое проблемное поле, связанное с выявлением сущностных свойств и критериев этого понятия. В случае, когда неприкосновенность выступает как базовый принцип в отношениях собственности, мы получаем ситуацию, основополагающим свойством которой является отсутствие чего-либо. Отсутствие чего именно подразумевает под собой неприкосновенность? Буквальное грамматическое толкование (запрет на физическое прикосновение к объекту права собственности) здесь будет явно недостаточным.

Закрепленный на законодательном уровне принцип неприкосновенности в идеале предполагает отсутствие посягательств на конкретный объект и, как следствие, на отношения собственности, или «невозможность для кого бы то ни было оказывать воздействие на объект собственности помимо воли собственника» [1, с. 12]. Как верно отмечает К.И. Скловский, центральная характеристика собственности – это исключительность [6, с. 152]. Иначе говоря, суть права собственности заключается в том, что оперировать объектом собственности может лишь строго определенное лицо или группа лиц. Соответственно нарушением принципа неприкосновенности гипотетически могут считаться любые действия иных лиц, кроме собственника, направленные на принадлежащее ему имущество.

Однако принцип неприкосновенности предполагает не только запрет, но и защиту собственности (как объекта, так и отношений) в случае фактически совершенных с чьей-либо стороны попыток покушаться на собственность. Таким образом, отрицание попыток покушения на собственность в принципе неприкосновенности (в идеальном плане) соседствует с признанием того, что эти попытки могут и будут совершаться (в плане реальном). Отсюда и возникает понятие «защита», неразрывно скрепленное с понятием «неприкосновенность».

Наиболее проблемной точкой в реализации принципа неприкосновенности собственности является пресечение попыток иных лиц, кроме собственника, этой собственностью распоряжаться, владеть и пользоваться. Объектами, на которых направлен принцип неприкосновенности собственности, являются, по сути, не собственник, не его имущество и не сами отношения (право) собственности, но лица, потенциально способные чинить препятствия собственнику в реализации своего права.

Круг этих лиц довольно широк. С негативной природой принципа неприкосновенности связан вытекающий из нее высокий уровень абстрактности в отношении набора тех лиц, к которым этот принцип может применяться. С одной стороны, слова «никто», «любой», «каждый», употребляемые в отношении лиц, на которых распространяется закон, имеют максимально широкий охват. С другой стороны, при переводе в конкретный модус при соблюдении принципа неприкосновенности в каждом конкретном случае могут возникать затруднения.

Важно прояснить вопросы: как защита неприкосновенности собственности связана с конкретным имуществом? Какое воздействие постороннего лица на чужое имущество является покушением на право собственности, а какое не является? И всегда ли покушение на имущество будет являться покушением на право собственности (а не, например, на право пользования)? И что входит в понятие «неприкосновенность собственности» – защита права или защита имущества?

Как правило, меры правовой защиты касаются именно права собственности, защищают сами отношения собственности, а имущество является лишь объектом. К примеру, чье-то имущество было уничтожено или повреждено против воли собственника. Защита имущества не состоялась, но значит ли это, что был нарушен принцип неприкосновенности собственности? Роль государства в данном вопросе заключается в восстановлении справедливости и карательных мерах в отношении злоупотребившего лица. Защитой собственности в данном случае обеспечивает закон, запрещающий посторонним лицам чинить препятствия собственнику в исполнении своего права и совершать манипуляции с чу-

жим имуществом. За указанные действия подразумевается ответственность, в том числе в виде возмещения ущерба. Тем не менее в рассматриваемом случае закон не может защитить собственность в значении «имущество», но лишь само право собственности.

Исходя из анализа наличествующих текстов законов можно сделать вывод о том, что наиболее слабым местом в соблюдении принципа неприкосновенности собственности является незаконное прекращение или ограничение этого права.

При любом из возможных толкований неприкосновенности собственности данный вопрос является тесно связанным с понятием защиты собственности и способами ее законодательного закрепления. Так, в ч. 3 ст. 35 Конституции РФ говорится, что никто не может быть лишен своего имущества без решения суда, а принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. В ч. 2 ст. 235 ГК РФ сказано, что принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, но здесь же перечислены случаи возможного принудительного лишения права собственности, для реализации которых необходимы решение суда и основания, предусмотренные законом.

В ст. 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод говорится не о неприкосновенности собственности, а об ее уважении, но содержание данной статьи не оставляет сомнений в том, что смысл этих принципов совпадает: «Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права» [3].

Таким образом, нормативное требование воздерживаться от посягательств на право собственности, как правило, сопровождается указанием целого ряда исключений – случаев, когда такое посягательство в виде изъятия имущества, находящегося в собственности, является юридически допустимым.

Идея собственности по своему содержанию предполагает ограничение круга лиц,

допускающихся к владению той или иной вещью. Тем не менее встает вопрос: возможно ли абсолютизировать принцип неприкосновенности как сущностное свойство собственности при наличии законодательно прописанных возможностей принудительного лишения собственности? Ведь утверждение о неприкосновенности как сущностном качестве собственности обостряет вопрос о расстановке приоритетов в случае, если лицо, пользующееся правом собственности, нарушает иные права других лиц (когда соблюсти одно право значит нарушить другое). Наиболее ярким примером могут служить дела, в которых речь идет о соотношении индивидуального права собственности с общественными интересами, что проявляется, например, в жилищной сфере при защите прав и интересов соседей. Данный вопрос регламентируется ст. 293 Гражданского кодекса РФ. Речь идет о предпочтении нарушения одного права (частной собственности) в защиту других (общественных интересов). Ответственность за принятие решения о том, имеются ли достаточные основания для прекращения права собственности, возлагается на суд (так как именно решение суда, вынесенное на законных основаниях, является условием принудительного изъятия у собственника имущества). Основанием в данном случае является ст. 293 ГК РФ, в которой описываются основания прекращения права собственности на бесхозянно содержимое жилое помещение, и ст. 209 ГК РФ, в которой прописываются границы права собственности: собственник правомочен совершать в отношении своего имущества «любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц».

Конфликт принципа неприкосновенности собственности как сущностного и абсолютного свойства собственности с другими правами и общественными интересами может быть разрешен следующим образом. Неприкосновенность действительно является абсолютным принципом права собственности, однако само право собственности не является абсолютным, так как оно действует наряду с другими правами на территории конкретного государства.

Это хорошо подчеркивалось в дореволюционной юридической литературе. Например, В.И. Синайский при характеристике права собственности, поясняя его исключительность в ряду иных прав, не использовал термины «абсолютность» или «неограниченность», но формулировал эту идею так: «Право собственности, по сравнению с другими вещными правами, есть наименее ограниченная вещная власть лица над вещами» [5, с. 79].

Представление о крайней важности, даже священности права частной собственности уже сформировано, и принятие судебного решения в пользу общественных интересов в данном вопросе может интуитивно казаться неправильным, так как конституционно закрепленное право собственности может восприниматься как «священное», в смысле «не подлежащее нарушению ни при каких обстоятельствах». Однако против такого подхода говорит содержание п. 3 ст. 55 Конституции РФ, которая гласит: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Вопрос, связанный со ст. 293 ГК РФ, разрешается в рамках данной конституционной формулировки, когда право собственности ограничивается федеральным законом в целях защиты законных интересов и прав других лиц.

Данная статья Конституции имеет отношение к определению принципа неприкосновенности собственности и может служить опорой для решения вопроса о законности или незаконности оснований лишения или ограничения права собственности. Тем не менее конституционное положение по своему содержанию является довольно широким, и вопрос о неприкосновенности собственности является здесь лишь одним из множества частных аспектов. Кроме того, ст. 55 не дает прямых указаний на границы и способы определения необходимости ограничения права, то есть оставляет открытыми вопросы о том, когда основания для принятия мер по ограничению прав и свобод могут считаться достаточными и будет ли правомерным ограничение конкретных прав и свобод в каждом случае.

Выработка и уточнение этих критериев возлагаются на судебную практику, которая уже формируется в ходе деятельности отечественных судебных органов и в особенности Европейского суда по правам человека.

Так, в решении Европейского суда по правам человека по делу «Спорронг и Лонрот против Швеции» от 23 сентября 1982 г. впервые было установлено, что ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод содержит три четкие нормы: 1) принцип беспрепятственного пользования собственностью; 2) возможность лишения имущества лишь в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и нормами международного права; 3) право государств контролировать использование собственности в соответствии с интересами общества, вводя такие законы, которые они считают необходимыми для этого. В этом же решении были предложены критерии правомерности ограничения права собственности: 1) наличие законной цели; 2) соразмерность, или справедливое равновесие между требованиями всеобщего интереса общества и защитой основных прав личности; 3) правовая определенность, то есть наличие точно сформулированных оснований и порядка применения соответствующих ограничительных мер [2, с. 6–8].

Именно эти критерии, как представляется, должны использоваться для правовой оценки случаев ограничения права собственности с точки зрения соблюдения или нарушения принципа неприкосновенности собственности. Это особенно необходимо в связи с тем, что нормы действующего гражданского законодательства не в полной мере обеспечивают реализацию этого принципа. Это относится, в частности, к формулировке ч. 2 ст. 209 ГК РФ: «Собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц...» Как нам уже доводилось отмечать, к числу «правовых актов», упомянутых в этом тексте, могут относиться не только подзаконные акты министерств и ведомств, но и индивидуальные (правоприменительные) акты,

и при буквальном толковании ст. 209 ни от усмотрения собственника, ни от неприкосновенности собственности не осталось бы и следа [7, с. 807–808].

Следовательно, неприкосновенность является базовым принципом не только права собственности, но и гражданского законодательства в целом. Само право собственности имеет не только формально-юридическую, но и общесоциальную природу, будучи общеизвестным и понятным большинству людей. Право собственности является базовым для конституционного строя, но при этом не является абсолютным в отличие от принципа неприкосновенности, ибо оно ограничено другими правами. Прекращение или ограничение права собственности на законных основаниях при наличии решения суда ограничивает право собственности, но не ограничивает принцип неприкосновенности.

Таким образом, при анализе принципа неприкосновенности собственности выявляется ряд проблемных мест, связанных с определением и употреблением понятия «собственность», с негативностью понятия «неприкосновенность» и вытекающей из него диалектичностью, с расстановкой приоритетов при конфликте различных прав и интересов, с кажущейся простотой и ясностью анализируемого принципа, влекущей за собой трудности его практического применения и интерпретации.

С учетом опыта Европейского суда по правам человека следует признать, что принцип неприкосновенности собственности имеет более широкую сферу действия, нежели собственнические отношения в узком смысле. Он подлежит применению в тех случаях, когда необходим поиск баланса личных и общественных интересов при лишении или ограничении прав лица на какое-либо имущество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайдук, А. С. Гражданско-правовой принцип неприкосновенности собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Гайдук. – Рязань, 2003. – 26 с.
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Протокол № 1. Право на собственность / М. Карсс-Фриск, А. Н. Жеребцов, В. В. Меркулов, А. Г. Эртель. – М. : Рос. акад. правосудия, 2002. – 112 с.

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию, и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2, ст. 163.

4. Маттеи, У. Основные положения права собственности / У. Маттеи, Е. В. Суханов. – М. : Юристъ, 1999. – 384 с.

5. Синайский, В. И. Русское гражданское право : пособие к изучению т. X ч. 1 и сенатской практики / В. И. Синайский. – Киев : Тип. А. И. Пономарева п. у. И. И. Врублевского, 1912. – 427 с.

6. Скловский, К. И. Собственность и право собственности / К. И. Скловский. – М. : Дело, 2000. – 512 с.

7. Рыженков, А. Я. Теория права собственности : ист.-аналит. очерк / А. Я. Рыженков, А. Е. Черноморец. – Элиста : НПП «Джангар», 2009. – 864 с.

8. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней // Собр. законодательства РФ. – 1998. – № 14, ст. 1514.

THE INVIOABILITY OF PROPERTY AS THE PRINCIPLE OF THE CIVIL LAW

A. Ya. Ryzhenkov

The article investigates the nature of the inviolability of property as one of the principles of the Russian Civil Law. The features of fixing of the inviolability of property in the Constitution and civil laws are analyzed. The content of this principle is revealed on the basis of the practice of application of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms with regard to the restrictions of property.

Key words: property, possession, inviolability, limitation, principle, protection.